

Аркадий ПРИГОЖИН

Феномен катастрофы (дилеммы кризисного управления)

Человечество давно осознавало катастрофичность своего существования как нечто сущностное, фундаментально связанное с ним как с видом и родом. В духовных мироощущениях это связывалось с имманентной греховностью человека (эсхатология), в научных — со свойствами Земли как местом его обитания, в социальных теориях — с пороками общественного устройства. Но осознание неизбежности катастроф, неизбежности, встроенной в само появление, природу человека, присуще и религиозным, и естественно-научным, и идеологическим картинам мира. Это побуждает думать о возможности общей теории катастроф.

Предчувствия и образы

Катастрофа — не та смерть, которая как парный антитезис жизни циклически завершает ее. Катастрофа взламывает понятный цикл внезапным вмешательством, ошеломляет контрастом между моментностью потрясения и тотальностью разрушений. Конец света, землетрясение, революция, авария малопредвидимы, прогнозы часто не сбываются, причинные связи загадочны; трудности их рационализации восполняются воображением, предчувствием.

В сознании катастрофы облекаются в образы. В простейших верованиях — это внешняя самопроизвольная сила (человеко- или животноеобразная). Затем образы приобретают оценочный смысл, ставя свершившееся или даже названное бедствие в то или иное отношение с человеческими качествами. Тогда оно становится знаком, который для рефлектирующего субъекта свидетельствует многое о его собственном бытии.

Формирование этих образов особенно стимулируется распространением предчувствий грядущей катастрофы. Общество, десятилетиями пребывающее в кризисе, еще большее ухудшение своего положения и не может воспринимать иначе¹. Конеч-

¹ Уместно поставить вопрос: в чем терминологическая разница между социальной катастрофой и общим глубоким кризисом? Думается, границы между этими двумя понятиями достаточно подвижны, и абсолютных, строгих различий тут вряд ли следует искать. Но все же можно установить два критерия, по которым они могут условно различаться. Первый, может быть, самый главный, критерий состоит в том, что катастрофа отличается глубиной потрясений, в результате которых происходит слом, исчезновение, дезинтеграция системы. В этом смысле, конечно, СССР пережил не просто глубокий кризис, а именно катастрофу. Второй критерий менее очевиден и более спорен. Катастрофа, как правило, происходит гораздо более стремительно, чем длится глубокий кризис (хотя, разумеется, трудно дать определенный ответ на вопрос, что такое «стремительно» в социально-историческом смысле).

Пригожин А. И. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и психологии управления Академии народного хозяйства при правительстве Российской Федерации. Специалист по социально-философским проблемам управления.

но, появляется немало прогнозов с тем же вектором, хотя собственно научная атрибуция у них заметно подыгрывает тем же предчувствиям. Но массовые предчувствия такого рода имеют свою историческую значимость: они выражают настроение, точнее — настроенность народа на трагедию. Подобная настроенность, к тому же, действительно усугубляет положение, усиливая фрустрацию, пассивность. Это более чем покорность беде, тут мазохистская реакция на нестерпимые проблемы времени. Суть проблем — в необходимости меняться самим. Эта самая тяжкая из перемен трудно осуществима без потрясений, как бы требует их.

Поэтому в образах наступающей катастрофы просматривается оправдание ее, даже полезность для будущего. В массовом сознании нашего общества можно обнаружить следующие из упомянутых образов.

Катастрофа как проклятье. Цепь исторических неудач воспринимается как воля рока, нависшего над этим местом, народом: мы оказались на линии столкновения двух цивилизаций, где ломаются лучшие намерения и судьбы. Все чаще повторяется мысль, что судьба России — на своем примере показывать человечеству, как не надо жить, куда не надо идти. Отработка негодных вариантов развития и есть ее вклад в мировую историю.

Катастрофа как возмездие. За что? За соблазн! Соблазниться простыми способами решения сложнейших социальных проблем, быстро проскочить через тяготы долгих этапов обучения и накопления культурного слоя труда и общественных отношений — великий грех. Иногда такой образ осязается вполне эмпирически, хотя и в иных масштабах: чувство общей вины было, например, у жителей Ленинскана, ставших жертвами разрушительного землетрясения в 1988 году. Ведь они сами строили дома, обучали и воспитывали строителей, принимали дома к заселению в обход правил, и именно постройки последних десятилетий погребли многих.

Катастрофа как заговор. Субъективный источник бедствий с куда более конкретным обликом потаенного врага: коварный Запад, алчная бюрократия, расселившиеся между нами чужаки, кто-то еще... Огромная возбуждающая сила вопроса «кому выгодно?!» придает небывалую энергию обычно мелким обидам, житейской зависти, темным социальным инстинктам. Но посредством того же образа интерпретируются и природные катастрофы: в декабре 1988 года даже в просвещенных кругах армянского общества бытовало предположение, что землетрясение было устроено направленным подземным взрывом с тем, чтобы отвлечь людей от карабахского конфликта.

Катастрофа как испытание. Людям нужны великие потрясения, чтобы понять, что в их нравах и опыте выдержит и достойно укрепления, гордости, а что надо преодолеть или, наоборот, воспитать в себе. История таким жестоким способом ведет свой отбор на выживание лучшего.

Катастрофа как урок. Надо осмыслить ее причины и последствия для планов на будущее. Избавившись от прошлых заблуждений, найти способ избегания их впредь, как-то иначе строить сам механизм выбора образа жизни, целей и идеалов.

Катастрофа как новые возможности. Катастрофа расчищает место для нового созидания. Напластования прошлого труда, овеществленного в неверных или устаревших материальных, организационных, социально-психологических формах, начинают господствовать над трудом «живым». Моментное разрушение их открывает путь новым идеям, инициативам, деятелям.

Как видим, диапазон названных образов колеблется от ужаса до едва ли не благоговения. Сейчас невозможно оценить сферу и степень распространенности каждого из них либо их сочетаний. Не удастся распределить их и по каким-то объективно выделенным социальным носителям. Но они хорошо совпадают с границами так называемых «групп сознания» — тем структурным компонентом общества, который складывается не столько по объективным признакам (класс, профессия, образование, возраст и т. п.), сколько по ценностным, мотивационным признакам. Например, испуганные переменами неудачники-почвенники — на одной стороне; социально активный элемент общества, ищущий саморе-

ализации,— на другой. Разнообразие таких групп довольно велико, границы их подвижны, переменчивы в зависимости от преобладания тенденций. В переломные этапы жизни общества их соотношение очень значимо. Чем именно?

По-видимому, в переходные этапы своего развития общество вырабатывает некие исторические предчувствия. Это не прогнозы. По крайней мере, не только они. Самопроизвольно возникает опережающая рефлексия, интуитивно-ценностно переживающая близкие перемены. Авторы сборника «Вехи» и создатель «Песни о Буревестнике», конечно, с разным отношением говорят о надвигающейся на Россию катастрофе. По объективным признакам они из общего слоя, хотя из различных кругов общения, и противоположного менталитета. Если «веховцы» ближе к «испуганным переменами» в приведенном выше примере, то молодой М. Горький — к «ищущим самореализации». Не показательно ли, что после революции 1917 года они в чем-то поменялись местами в отношении к происшедшему? Печальное, но признание, даже склонность к сотрудничеству с новым режимом у бывших «веховцев»; гнев и обличения в горьковских «Несвоевременных мыслях». Нужно много сопоставлений с похожими событиями, чтобы понять, имеют ли структура и динамика такой позиционности какой-либо эвристический смысл.

Поиск понятия

Феномен катастрофы стал притягательным для разных сфер общественного сознания. В научном мышлении эта тема оказалась наиболее развита в геологии и математике.

Теория природных катастроф была основана Ж. Кювье и с тех пор развивалась во множестве частных направлений. Заявка же на построение общей теории катастроф была дана только математиками. Они опираются здесь на категорию равновесия. Достижимая системой равновесная стационарность при некоторых условиях прерывается, система меняет один режим движения на другой посредством скачка. «Катастрофами называются скачкообразные изменения, возникающие в виде внезапного ответа системы на плавное изменение внешних условий»². Такое бесстрастное и внеценностное определение понятия, вероятно, годится для предельной степени общности или для описания некоторых событий во Вселенной и на доисторической Земле. В наши же дни интерес к феномену потому и обострился, что сюда оказалась вовлечена человеческая составляющая. Более того, в этом интересе она стала центральной. А значит, нельзя миновать категорий «потерь», «ущерба», «страданий».

Поэтому в справочной литературе катастрофа чаще определяется как внезапное бедствие. В целом это и достаточно. Уточним, что имеются в виду малая субъективная вероятность каждого конкретного случая и особый масштаб последствий. Ибо в повседневности, конечно, происходит множество отдельных трагедий. Но именно непредвиденность, разовый и массовый характер потрясения отличают феномен катастрофы.

Итак, это аномальное событие в виде острейшей формы социальной патологии, вызывающее тотальный кризис, потрясение жизненных основ отдельных категорий населения, социальных институтов, общества в целом. Помимо гибели людей, она сопряжена с быстрой (от мгновенной до сравнительно затянутой) сменой образа жизни пораженных групп, с возникновением массовых стрессов и ростом отклоняющегося поведения, эскапизма и т. д. Одновременно происходит смещение в жизнедеятельности всего общества, человечества из-за мобилизации усилий и ресурсов для восполнения потерь.

² Арнольд В. И. Теория катастроф. М., 1990, с. 8.

По тем же причинам и типологические признаки не могут, на мой взгляд, не отталкиваться от вовлеченности человека в подобное событие.

По степени своей социальности, т. е. причинной вовлеченности общественных отношений в их возникновение, катастрофы можно распределить так:

1. **П р и р о д н ы е**. Разрушительные стихийные явления. Сюда попадают внесоциальные катастрофы (например, падение тунгусского метеорита), в тенденции таковых становится все меньше. Можно выделить космические, ветровые, тектонические источники катастроф. Обычно они кратковременного, мгновенного действия (ураганы, цунами, землетрясения), но бывают и длительного (засухи, лесные пожары).

2. **Э ко л о г и ч е с к и е**, т. е. социоприродные. В их основе лежит неадекватное антропогенное воздействие на природу, а через нее — на человека. По длительности действия они также могут быть разделены: глубокая деградация Арала и калмыцких степей, если и обратима, то через десятилетия, а отравления рек, заводские выбросы в атмосферу сравнительно быстро преодолеваются в случае своевременного принятия радикальных мер.

3. **Т е х н и ч е с к и е**. Аварии в созданных человеком материальных системах (взрывы, крушения, пожары в помещениях, шахтах). Они относительно кратковременны.

4. **Социальные**. Потери в составе населения и структуре общества в результате массовых насилий (гражданские, международные войны, широкомасштабные репрессии) либо ненасильственных действий (например этнические катастрофы). Исторически и те, и другие бывают относительно длительными, хотя современные, вооруженные конфликты нередко и кратковременны (шестидневная война на Ближнем Востоке, англо-аргентинская война за Мальвинские острова).

Приведенная группировка катастроф по характеру источников их возникновения, конечно, условна. Но все-таки она позволяет нагляднее отличать, скажем, социальные катастрофы от социальных последствий иных катастроф (природных, технических, экологических). Североармянское землетрясение 1988 года привело к гибели колоссального количества людей, но не непосредственно от толчков земной коры, а от обрушения зданий, вызванных этими толчками. Зданий, кстати, построенных самими людьми, на их средства, с их одобрения. Поэтому причинно-следственные зависимости в этой и многих подобных катастрофах требуют специального анализа.

Но уже здесь видна целесообразность разделения *первичных и вторичных источников опасности*. Произведенные обоими катастрофические эффекты автономны и связаны не однозначно. Подземный гул, толчки вызывают панику, стрессы, нарушают коммуникации, а разломы, провалы поверхности земли способны поглотить технику, строения, людей. Это, так сказать, неуправляемая составляющая катастрофы. Но падения высотных зданий на соседние, панельных и блочных конструкций — на жителей, покупателей, пациентов могут либо произойти, либо нет в зависимости от качества этих строений, от качества труда строителей. Последнее обстоятельство имеет самостоятельное значение. Иначе говоря, высокобалльное землетрясение в принципе может остаться лишь природной катастрофой, даже если эпицентр его был под густонаселенным районом. Словом, вопрос не столько в том, «откуда засуха?», сколько в том, «почему голод?».

В социологической типологии катастроф важно различить их также и по качеству социального фактора, причинно обуславливающего их возникновение. Например, по *степени субъективности* этого фактора:

Г р а н и ц ы з н а н и я, т. е. невозможность предсказания катастрофического события для современного уровня науки, технических средств. Эти границы могут быть абсолютными, если иметь в виду возможности человечества в целом, и относительными, исходя из состояния таковых в нашей стране, регионе.

← Степень субъективности →

Социальные причины		границы знания	неадекватности в культуре	просчеты	преступления
		а	б	в	г
Степень социальности ↓	Источники возникновения				
	природные 1	х			
	экологические 2				
	технические 3		х		
	социальные 4		х		

↘ Рост опасности ↘

Приоритетность целей народной безопасности в научно-технической и инновационной политике, отказ от самоизоляции общества могут раздвинуть обе границы.

2. Неадекватности в культуре. В культуре народа могут существовать нормы, ценности, традиции, усугубляющие катастрофический эффект первичных источников опасности. Например, низкая трудовая мораль, низкая ценность человеческой жизни, социальная пассивность населения и т. п. Изменение подобных элементов культуры возможно с обновлением хозяйственного механизма, политического режима, идеологии.

3. Просчеты, т. е. случайные отклонения, ошибки в оценках ситуации, перспектив, методов достижения целей. Среди них можно выделить: исторические (разгон Учредительного собрания в январе 1918 года); политические (оценка советским руководством вероятного времени нападения Германии на СССР); управленческие (размещение АЭС в густонаселенном или сейсмоопасном районе); инженерные (переоценка надежности, прочности конструкций). Предупреждение катастрофических просчетов возможно лишь отчасти через выработку чувства исторической осторожности, демократизации политических процессов, установки на избыточную надежность в хозяйственно-технической сфере.

4. Преступления, т. е. намеренное нанесение разрушительного ущерба обществу, некоторым категориям населения: разрушение основ их жизни (массовый голод на Украине в 30-х годах), геноцид (истребление нацистами евреев), диверсии (акции по нарушению жизненно важных технических систем). Повидимому, возрастание сложности техносферы делает человечество более уязвимым для катастроф подобного рода, хотя экономико-политическая взаимозависимость снижает вероятность подобных бедствий через политические, идеологические воздействия.

Взаимодействие всех перечисленных типологических факторов можно представить графически как двухмерное изображение возникновения катастроф (см. таблицу). Конечно, это спорно по мировоззренческим причинам, но наиболее верным, по-моему, можно считать следующее распределение степени опасности для человечества (исходя из образуемых на этой таблице связей).

Пересечение 1а — непознанные природные источники — обладает самой разрушительной силой хотя бы вследствие огромной зависимости земных событий от космических процессов. Причем, частота их возникновения и предсказуемость существенно меньше других, уязвимость же, беззащитность человечества по

отношению к ним максимальны. По мере гармонизации отношений внутри человечества природно-космические источники составят единственную возможность глобальной катастрофы, перед лицом которой вся добрая воля, все ресурсы мира беспомощны. Эсхатологическая тема нуждается в современном естественно-научном осмыслении.

Пересечение 2б представляет собой значительную, но все более осознаваемую опасность, в какой-то степени уже поддающуюся ограничению. Попытки снижения ее связаны с глубокой ценностно-рациональной переориентацией человечества. Азарт прогресса, спринтерское планирование (на короткие и прямые дистанции), культ потребления и другие неадекватности в культуре индустриального общества через экологическую деградацию приводят к массовым заболеваниям, угрозе биологического перерождения человека. Эти органические пороки культуры чреваты экологическими последствиями больше, чем незнание, просчеты и даже преступления в этой сфере.

Далее на таблице следует выделить опасность технических просчетов и соотношение трудовой культуры с надежностью технических конструкций и сооружений (пересечение 3в и 3б). Правовая интерпретация некоторых из подобных отклонений может трактоваться и как преступление (3г). Наконец, общецивилизационные процессы в мире позволяют считать опасность возникновения собственно социальных катастроф, хотя и весьма реальной, но меньшей из ранее упомянутых. В силу тех же процессов причины их возникновения все чаще должны трактоваться как преступные намерения (пересечение 4г). Так что диагональ в таблице указывает на нарастание опасности налево наверх и снижение ее направо вниз.

Соотнесем теперь с этой таблицей особенности Североармянского землетрясения (в таблице обозначено X). Роль абсолютных и относительных границ знания в этой катастрофе еще подлежит профессиональной оценке. Думается, технические источники бедствия «сработали» прежде всего по социокультурным причинам и (в меньшей мере) из-за инженерных и иных просчетов. Кроме того, такие социальные факторы, как дефекты кризисного управления, усугубили бедствие населения.

Осмотрим «диагональ опасности» на таблице, начав с верхнего левого ее угла. Центральная проблема тут — диалектика непредвидимого и непредвиденного. Грань между обоими понятиями подвижна. Всегда будут пределы возможностей предвидения, но одна граница проходит по объективным, познавательным способностям любых социально-технических систем, пока граница эта неодолима. Другая же зависит от прогнозно-планирующей способности тех же систем в определенном социокультурном погружении: трудовая мораль, ценность человеческой жизни, квалификация и оснащенность соответствующих служб.

Землетрясение на севере Армении не могло быть предсказано из-за крайне низкого уровня технического обеспечения сейсмологических исследований. Оно намного выше в других промышленно и социально развитых странах, передающих теперь туда свое оборудование. Между тем по крайней мере одна из систем предупреждения землетрясений, разработанная и с успехом испытанная греческими учеными, предлагалась французским вулканологом Г. Тазиевым в 1987 году и бывшему СССР. Но это предложение не вызвало интереса. У советских специалистов есть собственные авангардные (также не реализованные практически) разработки. Иначе говоря, то, что выглядело непредвидимым по отношению к состоянию «там и тогда», оказывается всего лишь непредвиденным в сопоставлении с почему-то упущенными возможностями.

Показанное различие еще очевиднее на примере вторичных источников опасности. Обрушения зданий, ставших непосредственной причиной массовой гибели населения, могли быть предвидены приемочными государственными комиссиями в сейсмоопасной зоне, если бы они работали высокопрофессионально. (Вечно больной для нас вопрос о профессионализме и ответственности!) Деловая культу-

ра, трудовая мораль нашего общества опасны для него же во многих своих точках, катастрофичны в бесконечном разнообразии.

За две недели до аварии в Чернобыле в газете «Социалистическая индустрия» была опубликована корреспонденция со строительства Ростовской АЭС: термическая оболочка и основание реактора бетонировались по негодной арматуре³. Будущее бедствие уже материализовано. За полгода выявлено более пятидесяти грубых нарушений проекта, технологии строительных работ, шесть раз шли на крайность — останавливали стройку. Но брак возобновлялся. Почему не срабатывал многоступенчатый контроль? Управление комплектации ведет входной контроль за качеством стройматериалов и конструкций, но прояви они строгость — придется отвечать за порчу и повреждения материалов от неправильного складирования и транспортировки по их собственной вине. Проектировщики не решаются настаивать на соблюдении проекта потому, что строители тогда попрекнут их многими ошибками в чертежах, частыми переделками проектов уже в ходе строительства. А если заказчик — дирекция строящейся АЭС — не примет объект, ей напомнят о качестве выдаваемого оборудования, сроках его поставок... Все боятся встречной требовательности и покрывают пороки друг друга.

Чернобыльская «мина» была заложена и в домах Ленинканана, Спитака, Кировканана: легко крошащийся бетон, недосваренная арматура и т. д. Сложившиеся в нашей стране общественный порядок и деловая культура могут быть катастрофогенны сами по себе. И в этом смысле они несовместимы с научно-техническим прогрессом.

И все же предложенная выше типология среди всех источников бедствий в наиболее опасные выводит природные катастрофы. Для управления отсюда возникает вечная дилемма: *распределение целей и ресурсов между сохранением и развитием общества одновременно.*

Экзистенциальный риск

Одна из ограниченностей современных глобальных моделей и проектов развития человечества состоит в том, что связь явлений там замыкается пределами Земли. Между тем планетарные процессы туго «завязаны» на космические. Природа едина: вселенская и земная, материальная и социальная. Космо-геосоциосистема едина, но гетерогенна. Ее составляющие возникали последовательно. И именно в этой последовательности возрастает их уязвимость.

Катастрофичность — одно из существенных свойств мироздания. Современная астрофизическая версия происхождения галактики предполагает взрыв, «разбегание» ее из сверхплотной точки. Она же допускает и возможность *коллапса*, т. е. обратного «схлопывания» вещества. Но уже вполне сопоставимы с человеческой историей такие явления космобиоритмики, как регулярные природные катаклизмы. Есть также немало катаклизмов космического происхождения, регулярность которых пока не просматривается или вовсе отсутствует.

Наводнения, цунами, ураганы, землетрясения, извержения вулканов — лишь локальные эквиваленты войн, истоки которых, однако, не контролируемы людьми. Что же касается источников глобальных бедствий, угрожающих физическому благополучию человечества из недр галактики, то эта опасность еще мало осмыслена, будучи, во-первых, вытесненной внутрипланетарными опасностями, а во-вторых, еще мало доступной познанию. Видимо, изменения космоземного магнетизма вызывают различные последствия в массовом поведении. Мутации, возбуждения социальной энергии как в творческом, так и в деструктивном направлениях. В целом можно сказать, что потенциальная *амплитуда природных флуктуаций превышает жизнеспособность человека*. Человеческое существование подвержено постоянному риску, в том числе абсолютному. Это риск пассивный,

³ См. Гордеев Б., Шамардина Л. С ответом не сходится. «Социалистическая индустрия», 13 апреля 1986.

ибо противодействие угрозе может осуществляться главным образом в режиме защиты и спасения.

Пассивность риска есть следствие неравносильности взаимодействия двух рычагов: космо-гео и био-социо, которые вообще не образуют двухсторонней целостности. Ибо первая (космо-гео составляющая) способна существовать без второй (био-социо), но никак не наоборот. «Старшинство» первой и производность второй отдают односторонним господством, даже непартнерской униженностью. И это при том, что если «младшая» сторона хоть как-то субъектна по отношению к «старшей», то в естественном смысле космо-геологический мир «слеп». Слепое превосходство и «равнодушие» неживой материи по отношению к жизни чревато смещениями в названном взаимодействии — вплоть до критических. Всякий негатив в обратном направлении (переработка и порча человеком вещества природы) не только ничтожен в таком контексте, но и проблематизируется обществом.

Да и собственно видовое развитие человечества, имея какое-то начало, не обязательно бесконечно. Подобно онтогенезу с его рядом катастроф (болезни, неудачи), завершающемуся катастрофой абсолютной, биологический вид неизбежно подвергается сходным потрясениям. Но возможен ли также и конец? Вопрос не так уж абстрактен. Хорошо известно, что позывы к самоубийству возникают в индивидуальной жизни именно как средство решения проблем. Не те же ли проявления видовых инстинктов мы видим в навязчивой тяге человечества к войнам, к экологической агрессии? Какие-то ближние проблемы этим и в самом деле решаются. Абсурд обнаруживается лишь на уровне обобщения. Но уже на следующей фазе рефлексии снова напрашивается причинная связь. Закономерное отчуждение продуктов деятельности человека, их противостояние ему кроются в самих основах существования человека как рода. Техника аварийна. Города стрессогенны. Границы конфликтны. Экономика кризисна. То есть внутреннее неравновесие, автоколебание социума постоянно порождает бедствия.

Равновесие эволюционных систем не может быть непрерывным, бесконечно плавное развитие любого целого невозможно. Когда-то наступает перерыв постепенности. Таким образом, экзистенциальный риск, катастрофичность человеческого существования сводится к факторам:

— *случайности* естественного возникновения жизни по крайней мере в ее биологическом и человеческом вариантах;

— *чрезвычайности* как сущностной черты жизни;

— *предопределенности* существования колебаниями в земной и космической природе.

Стрессовые решения общества

Вероятно, можно утверждать, что чувствительность к катастрофам усиливается. С развитием страны в ней растут и ценность жизни, и ее содержательность, и качество, сокращается прирост населения. Потери становятся осязаемыми. Появляются новые возможности предохранения от гибели, разрушений, спасения пострадавших, восстановления.

Страх перед природными катастрофами институционализируется в международном масштабе: в Секретариате ООН создан специализированный отдел по координации чрезвычайной помощи, а 90-е годы объявлены Десятилетием ООН по уменьшению риска стихийных бедствий. В структуре исполнительной власти России создан Комитет по чрезвычайным ситуациям, действующий и в условиях стихийных бедствий, и в «горячих точках».

Однако высота порога чувствительности сильно колеблется. Например, она резко снижается сразу после очередных землетрясений, аварий и т. п. Каждое из них вызывает массовый подъем внимания, протестов, начинаний, заверений. Но затем обычно следует спад. В промежутке, как известно, господствуют пренебрежение опасностью, массовые уклонения от учений и т. п. В целом же постепенно

нарастает отвращение к рискованным производствам (атомная энергетика, химическое производство и т. п.). Поэтому появился новый раздражающий фактор — строительство подобных предприятий. Все более значимым становится явление массовых фобий — радиофобия, сейсмофобия, химиофобия и др.

Тут мы подходим к очень важной особенности, характеризующей управленческую ситуацию вокруг катастроф — к *абсурдности выбора решений*.

В процессе принятия решений руководители сталкиваются со множеством дилемм. Начнем, например, с такой: стоимость охранных мер вполне сопоставима с расходами на дальнейшую потребительскую экспансию. Выбрать одно за счет другого?

Не все дилеммы принимаются сегодня к рассмотрению. Скажем, будет ли производство автомобилей сверяться когда-нибудь с тем, сколько человеческих жизней (в результате аварий, загазованности) приходится отдать за каждую новую сотню? Между тем такая постановка вопроса логично вытекает из нынешней ситуации с экологией городов, но она (постановка вопроса) пока совершенно невыносима для нашего управленческого мышления (как, впрочем, чужда и для массового сознания). Самосохранение все еще отстывает перед потреблением.

Далее. Реакция населения на прогнозы катастроф способна парализовать управление в критических ситуациях вследствие своей ажиотажности. При том, что власти очень настойчивы в своих требованиях, например к сейсмопрогнозам, последние имеют довольно малую подтверждаемость. А меры по защите населения и имущества весьма дорогостоящи. Так, была ситуация, когда американские геофизики предсказали сильное землетрясение в Перу, и правительство этой страны мобилизовало огромные ресурсы, провело широко-масштабные мероприятия по предотвращению человеческих и материальных потерь. Страна, и без того экономически слабая, буквально надорвалась от напрасного перенапряжения, ибо прогноз не подтвердился.

В то же время нельзя игнорировать и тот факт, что оправданные прогнозы нередко возбуждают панику с большими деструктивными последствиями. Сокрытие подобных сведений, удержание их в узком круге руководителей практически невозможны; просачивающаяся информация обрастает неконтролируемыми слухами, ведет к хаосу. Но и открытое оглашение прогнозов чревато взрывной реакцией, ущерб от которой может быть сравним с потерями от самого катастрофического события.

Абсурдность кризисного управления еще больше заметна на стадии самого бедствия.

Мародерство — одна из острых проблем как природных, так и промышленных или социальных катастроф. Это хорошо известно, скажем, по описаниям событий после Чернобыля, Спитакского землетрясения, да и почти во всех других подобных случаях. Чрезвычайные органы власти, конечно, преследуют грабителей. Но у этой проблемы есть другая сторона. В первые часы, как и потом (неопределенно долго) спасатели не имеют налаженного обслуживания и единственным способом получить хотя бы питание в разрушенном городе оказывается вскрытие ближайших магазинов или брошенных квартир. В таких действиях мне признавались многие жители Ленинакана, их приехавшие на помощь родственники.

Еще одна проблема. Процесс распределения помощи «по рукам» в зоне бедствия полон жестоких инверсий. Если в пострадавшие кварталы въезжает один или несколько подъемных кранов, способных приподнять или сдвинуть бетонные плиты, под которыми находятся еще живые люди, то можно предположить, какая борьба и какими средствами вспыхивает за каждый из них между родственниками заживо погребенных. Похожее происходит и вокруг машин с продовольствием, одеждой, гробами, медикаментами, вокруг немногих дееспособных врачей. Совершенно невероятно обеспечить снабжение техникой, спасателями и прочим сразу и в достаточном количестве. Первая же помощь в каких-то своих проявлениях с неизбежностью усугубляет страдания. Рациональным управленческим решениям здесь пока не найдено место.

Можно ли технологизировать подобные процессы? Неизвестно. Социология катастроф у нас еще не сложилась, а за рубежом она не вышла еще из исследовательской стадии. Новшества и продвижения в этом направлении, как правило, возникают эмпирически и потом оформляются концептуально. Примером таковых может служить принцип, который я бы предложил назвать «несуверенитет катастроф». В нашей стране он впервые проявился в дни упоминавшегося уже землетрясения в Армении, когда мы *de facto* приняли норму, что катастрофа такой силы — всеобщая проблема человечества. Зона бедствия как бы приобрела экстерриториальность с открытым и немедленным доступом любой зарубежной помощи. Именно на такой способ действий и рассчитаны организации типа «Международного корпуса спасения» с центром в Марлоу (Великобритания) — некоммерческое, добровольное объединение пожарных, спелеологов, врачей, представителей других профессий, готовых немедленно отправиться в любое место на Земле для оказания экстренной помощи.

Но, конечно, необходимо разрабатывать социальные технологии по подготовке властей, организаций, жителей к предсказуемым потрясениям, а также по выходу из них с учетом социальных, психологических, правовых, экономических аспектов. Эти технологии, как мне представляется, должны предлагаться государственным органам в режиме управленческого консультирования, через систему обучения, пропаганды знаний и т. п.

Для управления в кризисных ситуациях особенно трудно рассчитать управляющие воздействия между планомерностью и спонтанностью таким образом, чтобы суметь встраивать первые во вторые, корректировать вторые первыми. Катастрофа стихийна. Она вызывает мощные реакции в пораженной зоне и вне ее. На линии «зона — внешний мир» складывается напряженнейшее переплетение противоречий, вызванных сильным чувством и здравым смыслом. Нередкое следствие — самоотчуждение помощи, обращение ее в противоположность.

В зоне бедствия как объекте помощи складывается особая социальная структура, в которой можно выделить следующие группы.

1. *Пораженные группы населения*, т. е. выжившие, но пострадавшие от травм, психологического потрясения, потери имущества. Эта группа начинает получать помощь почти сразу же. Основным ее поставщиком становятся, так сказать, «активисты первого часа» — не пострадавшие группы местных жителей, командированные либо местные жители, преодолевшие оцепнение от собственных потерь. Затем эти группы первой помощи начинают быстро пополняться за счет прибывающих в зону родственников пострадавших из других мест. Так было, например, в Армении в 1988 году.

2. Особо проблемными в такой обстановке оказываются *социально слабые группы*. Это лица, не оправившиеся от потрясения, потерявшие опорных членов семей, отличавшиеся и ранее социальной пассивностью. Состояние анемии отчуждает их от и без того скудного пайка, они бедствуют больше других.

3. В зону бедствия поступают *группы спасения*: специфические (спелеологи, горноспасатели и т. д.), неспецифические (медики, крановщики с техникой и т. д.), группы поддержки (снабженцы, работники эвакуационных пунктов и т. д.), руководство и аппарат кризисного штаба, работники прессы, исследователи.

4. Важным фактором резкого изменения социальной структуры населения в зоне становится быстрый рост численности *восстановительных групп*: прибывающих работников строительных специальностей со своими службами инфраструктуры. Их палатки заполняют скверы и парки, в пригородах они ставят временки. Трудности быта, ротация состава, высокий объем потребления данных групп, большие этносоциальные различия с местным населением и т. д. — все это делает отношения «приезжие — коренные группы» в той или иной степени проблемными. И это заслуживает специального исследования.

Теперь — об отношении «зона бедствия — внешний мир». Из патологических проявлений здесь прежде всего необходимо упомянуть «вал помощи». В Армении, например, это выразилось (по отношению к техническим средствам) в закупке

коммуникаций ненужными механизмами (например маломощными кранами), которые своей массой очень затрудняли продвижение к центру событий остро необходимой техники, специальных команд. К примеру, полностью экипированный отряд спасателей из Удмуртии со своим автономным обеспечением именно по этой причине добирался до зоны двенадцать дней и не успел уже никого спасти.

Отсюда вытекает и другая форма патологии помощи — *опоздание*, т. е. стремительное превращение ее в бесполезную и даже в свою противоположность, в помеху, что обусловлено потерей времени на мобилизацию и доставку групп спасения (специфических и неспецифических). При таких катастрофах действует зависимость: рост потерь времени в арифметической прогрессии приводит к росту потерь жизней в геометрической прогрессии. Тем не менее задержки вызываются не только уже упомянутым «валом помощи», но и распорядительной негибкостью.

Если в обобщенном, в опосредованном варианте в отношении помощи вступают макрогруппы (поселенческие, организационные, национальные и т. д.), чаще всего анонимные, то в полевом варианте, при непосредственном распределении ее в прямой контакт вступают малые *помогающие и потребляющие группы* (индивиды). Отсюда и специфика трудностей. Важнейшая из них — организация непосредственной раздачи. Усугубление социальной несправедливости здесь неизбежно, поскольку распределение по критериям равномерности, остроты потребности исключено.

Весьма сложным выглядит в этом контексте и довольно широкое, едва ли не тотальное использование *бесплатности* как принципа распределительной политики в кризисных ситуациях. Бесплатность лишает потребление избирательности и естественной меры. Диспропорции в объемах «охвата» нередко бывают на грани нелепости. Так, характерны чрезмерные разовые запасы хлеба, который почти целыми буханками, караваемися валяется на тротуарах, у костров.

Один из самых уязвимых участков работы кризисного штаба с населением — оповещение его о местах и правилах получения прибывающих продуктов и одежды. Листовки об этом нередко раздаются руководителям организаций для распространения и плохо доходят до неорганизованного населения. В целом отношение «штаб — население» развито преимущественно «сверху вниз», реакция жителей на действия властей не изучается. Не предусмотрено и чрезвычайной службы по социальным вопросам.

В связи с этим следует особо отметить отсутствие в структуре отношений помощи одного важнейшего компонента. Вероятно, не все функции опеки пострадавшего населения способно выполнять государство. В социально развитом обществе естественным образом складываются благотворительные, религиозные, потребительские, политические, культурные движения, быстро заполняющие лакуны в мерах по социальному обеспечению, предпринимаемых в таких случаях официальными органами. Поиск социально слабых групп, утешение, увод от одиночества, презрение немощных и т. п. — все это деятельность, которая по природе своей ближе к самодетельным объединениям. Речь идет не только о милосердии. Необходимо поднять людей на взаимопомощь, организовать контроль за распределением продуктов, одежды, палаток, сформулировать требования к власти по корректировке ее действий и т. д., словом, налаживать *чрезвычайное самоуправление* везде, где надо сплотиться для выживания.

Наконец, в отношениях помощи есть свой этический элемент.

Помощь не должна рассчитывать на благодарность. Сострадание и отклик есть потребность помогающего. Это справедливо и в обычных условиях. В кризисных же ситуациях группы помощи должны быть готовы к претензиям в свой адрес по части скорости и способов их действий, содержания и объема вклада в усилия по облегчению тягот пораженных групп населения. Здесь нужен определенный психологический настрой.

Кроме того, важно учитывать, что у прибывших в зону бедствия после первых гнетущих впечатлений от увиденного и рассказанного довольно быстро наступает некоторое *привыкание к смерти*, меняется отношение к ней. Похороны без

ритуалов, повсеместные штабеля гробов (даже у пунктов питания), среди которых много детских, жители, ожидающие разборки завалов своих жилищ и приспособливающие гробы под скамейки, под емкости для сбора доставляемых пожитков и т. п. Вероятно, и у них происходят такие смещения. В подобной атмосфере девальвации человеческой жизни, предельной близости ее антипода возникают негласная оправданность, приемлемость технократизма и бездушия в управлении, снижение порога чувствительности к страданиям. Этот фактор также нельзя не учитывать при организации спасательных работ в застигнутых бедствием регионах.

* * *

Настоящая статья — одна из попыток применить понятие «катастрофа», рожденное в естественных науках, к социальным объектам и процессам. Само собой, при таком применении неизбежны некоторые неточности и упрощения, связанные с переносом уже устоявшихся категорий от объектов одной природы к объектам другой природы. Но события, в которые вовлечена наша страна, стимулируют интерес к явлениям, обычно описываемым понятием «катастрофа».

В социальном аспекте до сих пор это понятие используют в основном либо как художественный или политический образ, либо же применительно к таким конструкциям, как, например, этническая катастрофа или катастрофа государственная, когда речь идет о больших исторических измерениях. Но применительно к современности это понятие в общем-то не рассматривалось. Поэтому мне было важно в данной статье сделать попытку снабдить это очень широко трактуемое понятие некоторой научной атрибуцией, потому что оно лучше многих других соответствует масштабу и глубине событий, происходящих на наших глазах и с нами самими.

Современность, к несчастью, дает достаточно материала, который понятие «катастрофа» раскрывает лучше других. И есть все основания считать, что при более строгой разработке это понятие войдет в методологический обиход общественных наук.

А. Пригожин, 1994